

ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОД МАСКОЙ «РУКОВОДСТВА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

Некрасова М.А.

Глобальные проблемы
современного образования
под маской «руководства
для чтения»

45 – 48

Дирюгина Е.Г.

Обзор книги Рона Ритчхарта
«Формирование культуры
мышления»

49 – 58

Байбородова Л.В.

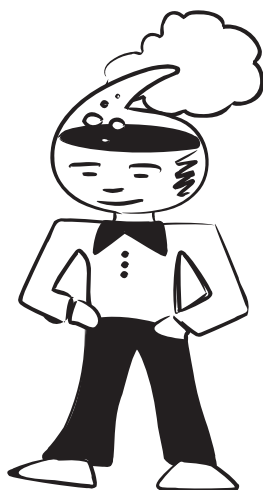
Участие родителей
в организации
дополнительного
образования детей

59 – 66

М.А. НЕКРАСОВА

На первый взгляд, произведение Мортимера Адлера «Как читать книги?» является практическим руководством, учебником по правильному чтению и анализу текста. Однако при прочтении в глаза бросается обилие рассуждений о современном образовании в Америке, проблемах личностной и массовой коммуникации, проблемах восприятия информации большей частью общества. То есть мы видим перед собой не сухое руководство по «плодотворному» чтению, написанное «метаязыком», а произведение скорее из ряда социальной философии с практическим руководством в дополнение.

Главным открытием при прочтении данного труда для меня стало то, что лично мой подход к чтению почти полностью совпадал с правилами, описанными автором. Только я никогда не видела прописанных «правил чтения» и восприятия информации; мне всегда казалось, что данные правила являются неким базисом, о котором даже не говорят. Подробная деконструкция текста в сознании читателя, естественно, отнимает больше времени и сил, чем чтение между строк, приводит к остановкам, отвлечениям при чтении. Да, читатель тратит на изучение книги больше времени, чем на чтение беллетристики для отдыха, но невольно всплывает вопрос: как можно вообще по-другому читать важную и серьезную литературу? Более того, даже при чтении беллетристики или фантастики следует не забывать о правилах индукции, дедукции и анализа прочитанного, потому что редкая книга может не заставить человека думать в той или иной степени. Способность думать, в свою очередь, не может не вести к критической оценке, согласию или несогласию с конкретными моментами текста или произведением в целом. Но любую книгу, кроме технических руководств и учебников по точным

наукам, нельзя воспринимать как полностью положительную или отрицательную. Поэтому необходимо сравнивать книги и подходы авторов к одной и той же проблеме, по возможности сравнивать ситуацию с личным опытом или его проекцией. Данный подход применим не только к художественной литературе, но и, по крайней мере, ко всем гуманитарным наукам, ведь главное их отличие от точных — превосходство субъективности. Например, нет смысла изучать историю только по учебнику или по труду одного конкретного учёного, ведь взгляд разных историков на событийный ряд, а тем более на причинно-следственные явления бывает полярно разным. И не одну из существующих точек зрения читатель не должен ставить в «абсолют». Его цель не в получении как можно большего количества информации и мнений, а в формировании личной точки зрения на проблему.

Выше я упоминала субъективный характер художественной и гуманитарной литературы. В связи с этим я не согласна с Адлером касательно абсолютного, «стопроцентного» понимания в коммуникационной системе «автор-читатель». Адлер пишет: «Успешная коммуникация происходит тогда, когда читателю удаётся овладеть тем смыслом, который хотел передать писатель». Стопроцентное понимание текста, рисунка, иногда даже жеста не представляется возможным в силу индивидуальности человеческого восприятия. Зачастую, даже базовые, простейшие тезисы воспринимаются читателем иначе, чем задумывал автор. И в этом нет ничего сверхъестественного, ведь любая информация проходит через призму единичного восприятия, то есть проходит трансформацию, представляя из себя синтез мысли двух субъектов («говорящий» — «слушающий», «читатель» — «автор»). Ни одна рецензия критика, как бы она не была близка к заданной истине, не будет полностью отражать мысли, заданной автором. И, даже если автор сам комментирует основные идеи произведения, объясняет смысловую часть, читатель всё равно имеет право видеть иные стороны произведения, если даже он открывает их в одиночку.

Несмотря на очевидность практического руководства Адлера, книга является полезной для людей, которые только встают на путь осознанного чтения серьёзных произведений и их анализа. Я рекомендовала бы ввести её в школьную программу литературы или обществознания старших классов (хотя бы в формате единичной лекции о практической её части). Советы и правила, представленные здесь, будут полезны для обучения написанию сочинений по литературе, сочинения в рамках ЕГЭ по русскому языку (выявление ключевых проблем, аргументация, работа с текстом), эссе по прочим гуманитарным наукам.

Приятным дополнением является вставленный в издание список «Великие книги» поскольку это именно те книги, для чтения которых Адлер пишет руководство. Однако, по моему мнению, перечень произведений всё же субъективен, ведь существуют и другие списки великих/лучших/рекомендуемых для интеллектуальной базы книг. И ни один из них не может претендовать на звание единственно верного. На мой взгляд, необходимо добавить в список Адлера книги XX в., которые отражают философские, социальные, художественные и научные тенденции именно современного общества. Ведь темп жизни и общее настроение постмодерна (информационного общества) являются первопричиной «неумения» людей читать. Общество постмодерна негласно предполагает движение к поверхностности во всех областях знания, эклектичному, урывочному подходу к работе, упразднению и упрощению образования. Из-за нагромождения внешних стимулов современного общества людям не хватает времени и сил на глубокое, вдумчивое изучение даже своей профессии, не говоря о базовых предметах (философия, история, литература). Изучение этих дисциплин в рамках образовательной программы происходит крайне поверхностно, поскольку сами учащиеся в нём не заинтересованы. А. Дугин в книге «Постфилософия» пишет о перспективе преобладания в современном обществе «постобразования», которое будет представлять собой изучение субъектом-учащимся

лишь одного вида ремесла («наука шопинга», «технология макияжа» и др.). Говорить о качественном чтении при таких перспективах развития просто не представляется возможным. Уже сегодня мы читаем в общественном транспорте, очередях, на скучных лекциях в университете и крайне редко делаем это дома за столом с карандашом в руке. А ведь 50 лет назад люди проводили время в библиотеках, читали сидя за столом как для досуга, так и для образования. 100–150 лет назад, для любого человека, стремящегося к знаниям, чтение имело элемент сакральности. Люди несколько часов в день отдавали изучению книг, их анализу, обсуждению. Примеры невиданной ныне жажды к «качественному» чтению можно встретить в большинстве произведений русской классики, (чтение Карениной по ночам в период бессонницы и депрессии, доскональное изучение Библии Раскольниковым).

Подходя к анализу глобальных вопросов, поставленных в книге Адлером, необходимо отметить очень важный нюанс: эта книга рассказывает о проблемах в американском образовании и рассчитана на американское сознание. Это становится заметно после аналогии навыка «качественного» чтения с умением играть в бейсбол (игра, более всего популярная в Америке) и далее отражается в каждой главе книги. Мне было удивительно читать об учениках института, которые абсолютно не вникают в проблемы художественных произведений и даже не могут спроецировать поставленные в произведении вопросы на свой личный опыт. Из этого можно сделать вывод, что в большинстве учебных заведений отсутствуют виды заданий, предполагающие рассуждение (сочинения, эссе). И действительно, основа проверки знаний ученика в американской системе образования сегодня — это тестовые задания, требующие наличия лишь фактических знаний. Школам и институтам невыгодно обучать людей думать, они обучают профессии. Ведь «думающие» люди — это всегда проблема для развития текущего политического курса, поскольку думающий человек склонен к трансформации окружающего, творчеству. Но такой подход к образованию — это палка о двух концах, поскольку именно «думающие», способные аналитически и творчески мыслить, всегда будут в авангарде в любой профессии.

Образование в России всё более равняется на европейский стандарт, однако, в экзаменационных испытаниях ещё встречаются задания, предполагающие некое развитие мысли, хоть и в заданных конкретных рамках. Я помню уроки литературы в последних классах школы (обычная общеобразовательная школа, не творческая, не лицей), которые вела стандартная, незаурядная учительница. И тем не менее, она спрашивала учеников о личном отношении к героям и ситуациям, а не только о сюжете произведений. Я в принципе не представляю себе школу, где ученики не обсуждали бы такие вопросы и не писали бы развёрнутые ответы на проблемы произведений.

Нельзя не обратить внимания, на следующий факт: в мировых рейтингах американское образование занимает ведущие позиции, считается качественным и престижным, в том числе на мировом уровне. Откуда берётся такое несоответствие статистики и действительности? Во-первых, речь идёт о подготовке именно специалистов работников корпораций (программистов, менеджеров, переводчиков). В данном случае, работа специалиста, как правило, требует только ответственности и знания базовых навыков профессии. Творчества и аналитических способностей требует по минимуму. Во-вторых, высокие места в рейтингах почти полностью являются заслугой трёх-пяти вузов уровня Йельского и Гарвардского университетов. Там, несомненно, есть и наука, и творчество, и «думающие» студенты, и талантливые преподаватели. Но они представляют собой лишь очень маленькую прослойку населения, «элиту» на фоне общей картины упадка творческой мысли и образования.

Итак, «книга про чтение книг» имеет более глобальный характер, чем её название, ведь по сути, природа чтения, описанная в книге, учит людей думать. Значит, конечная

цель Адлера — заставить людей задумываться над окружающей их реальностью, уметь рассуждать, строить собственную точку зрения. Он рассматривает книгу, прежде всего, как средство коммуникации, дискуссии читателя с автором. Настоящей задачей книги как средства образования, Адлер считает не получение информации «всухую», а развитие у человека аналитических способностей, построения причинно-следственных связей, аналогий. То же можно сказать о лекциях. По моему мнению, преподаватель должен не сухо преподнести материал, а вести диалог с аудиторией, наводить учеников на ключевые мысли, чтобы они дошли до них самостоятельно, посредством вопросов и критического анализа. Диалог стоит рассматривать как один из древнейших инструментов познания (в пример вспомним диалоги с учениками и оппонентами Сократа, Платона).

В последней главе «Свободный ум и свободные граждане» приведён пример отчуждения от окружающей деградации человека, которому не с кем поговорить о книгах, его друзья не читают. Автор просит сменить таких людей круг общения. В ответ я могу лишь привести интересное наблюдение из жизненного опыта: в моём окружении всегда было больше людей, не получивших специального или высшего образования. Тем не менее, зачастую, это люди, имеющие значительно больший интеллектуальный багаж и аналитические способности, чем товарищи по институту. К сожалению, человеку, отличающемуся такими способностями, крайне трудно сегодня получить высшее образование. Поскольку, за редким исключением, оно направлено лишь на усидчивость и заучивание стандартов. Более того, оригинальность мышления зачастую не приветствуется, а пресекается. Поэтому людям «думающим» получать образование в большинстве вузов нашей страны либо неинтересно, либо просто невозможно. Такие люди занимаются самообразованием. В связи с этим предложение автора составлять дискуссионные клубы с собственной программой образования, я считаю, положительным и актуальным для инициативных, стремящихся к развитию людей в любой стране.

В последней главе автор также ставит вопрос «псевдолиберализма» Америки и нельзя не разделить его опасений. Если российская действительность сегодня приближается к «1984» Оруэлла, то американская к «дивному новому миру» Хаксли. Поэтому отсутствие у людей способностей к качественному чтению (вникать в прочитанное и анализировать текст) — это прямой результат ныне существующей социально-политической обстановки Америки. Но Адлер, конечно, не пишет об этом напрямую, оставляя эту мысль тем, кто читать и понимать уже умеет. Доминирование таких установок в векторе будущего любой страны крайне губительно, поскольку в перспективе речь идёт уже не об «истинной» и «ложной» демократии, а о существовании общества, в котором люди разучились думать. Такое общество обречено на пожирание самого себя изнутри, однако его разложение — процесс долговременный, поэтому существующая ныне власть будет игнорировать проблему образования, несмотря на её очевидность. Напротив, для поддержания заданной программы «развития» страны, на настоящем этапе деградация образования будет пользоваться поддержкой сверху.

В России, на мой взгляд, люди не настолько разучились анализировать, думать. Этот процесс только начинает запускаться и, учитывая «особенности русского менталитета», включающий философскую рефлексивность, идти он будет медленнее, чем в Америке. Умеют ли русские студенты и работники интеллектуального труда читать? Скорее да, чем нет. Но, в нашем обществе другие социально-политические проблемы. Мы всё о них знаем, но говорить об этом здесь конечно не будем.